

О санитарной очистке города

Весна вступила в свои права. С каждым часом все быстрее идет таяние снега и льда. Нам же выходя в эти радостные весенние дни улицы Курска?

На улице Ленина проведены некоторые работы по скалыванию льда и уборке снега. Но и здесь еще громоздятся с интервалами в метр-полтора горки из мусора и калового льда. Если же заглянуть в переулки, то глазам откроется весьма неприглядная картина: тающий снеговой покров обнажает кучи мусора и всякий нечистот. Казалось бы, само собою разумеется, что они будут немедленно убраны, но в действительности получается обратное. В большинстве домовладений и домоуправлений не принимается никаких мер к снегоочистке и вывозу мусора. Особенно плохо обстоит дело на территориях полуразрушенных домов. Согласно решению исполкома горсовета, все работы по очистке на этих территориях проводит строительномонтажное управление № 1 «Курскстрой» (начальник тов. Нейман). Однако, упомянутая организация ничего еще не сделала для очистки дворов и прилегающих участков улицы у зданий музучилища, родильного дома № 1, домов № 30, № 69 и других.

Таково положение на центральной улице города. Что же можно сказать об остальных улицах? Последние дни многие улицы заняты потоками вешней воды. На тротуарах — непролазная грязь или тающая ледяная корка. Районы Барышевского рынка, Завальинской и Стрелцкой слобод становятся непроходимыми и непроходимыми. Кто же в Курске несет ответственность за очистку города? С таким вопросом мы обратились в начальнику городского отдела благоустройства тов. Лузану. Оказалось, что в Курске имеется специальный «Трест очистки», но его деятельность ограничена. В частности, очистка города от снега и льда почему-то не входит в компетенцию названного треста. Кто же в таком случае справляется с трестом со своими прямыми обязанностями — вывозной нечистот? Если верить тов. Лузану, то неплохо.

— Все заявки выполняются самое большее в 3 дня, — говорит тов. Лузан.

Но станем спорить о сроках. Не оказывается «заявки» в трест поступают гораздо меньше, чем следовало бы ожидать. Например, 25 марта весь «мусорный транспорт» треста простоял без дела из-за отсутствия заявок от организаций и домоуправлений, находящихся в очистке. Кроме 34 лошадей, трест имеет 2 автомашины. Но за весь 1945 год автомашины работали лишь 15 дней, лямарь нынешнего года целиком стояла, а в феврале были использованы на 50 процентов.

В домоуправлении города насчитывается свыше 150 дворников, но работают многие из них из рук вон плохо. При проверке выяснилось, что были случаи, когда некоторые дворники не выходили на работу по нескольку дней по болезни.

Создается положение с очисткой города катастрофическое. Городской отдел благоустройства обязан немедленно решить вопрос о наиболее эффективном использовании конного и автомобильного транспорта «Треста очистки». Улучшить работу должны организовать силами домохозяйств работы по очистке улиц и дворов от снега, льда, мусора. Большую требовательность и оперативность следует проявлять органам милиции и санитарного надзора.

О возможностях и действительности

В Ширгах повторяют ошибки прошлого года

Партия оказывает большую помощь районам, пострадавшим от немецко-фашистской оккупации. Сотни тракторов и других сельскохозяйственных машин и инвентаря, десятки тысяч лошадей получили от государства. Создаются все условия для быстрого восстановления посевных площадей и урожайности до довоенного уровня. Это можно подтвердить на примере Ширковского района. Страна оказала цифровую помощь, чем многим другим районам. Тракторный парк достиг довоенного уровня, пополнилось количество лошадей, за последнее время вновь увеличилось число овец. Завезено много нового инвентаря. Экономическая база ширковских колхозов теперь лучше, чем многих районов области.

Между тем в районе освоено только 46 процентов пахотной земли. Колхозы могли бы засеять значительно больше. Об этом говорят примеры сельхозартелей п. Шевченко и «Память Кирова».

В 1945 году колхоз им. Шевченко на 1129 га освоил лишь 330 га. Имея 3 лошадей, 5 овец и 13 коров, колхозники охотно сели своим тяглом 1,1 га, а всего за 70 календарных дней посеяли 77 га, тогда как могли ежедневно засеять не меньше, чем по 8—9 гектаров. Точно представить более низкую производительность тягла. Тракторы работали плохо. Из-за всего этого

Лучшая литейщица Курского завода Е. Катунина, выполняющая производственное задание на 400 проп.

Фото М. Шеховцова.

Подарок депутата

Депутат Верховного Совета СССР Розалия Самойловича Землячка прислала Дмитриской районной библиотеке большую посылку с художественной литературой. 5 библиотечек получили от Розалии Самойловича также Дмитриское педагогическое училище. Среди книг произведения Шолохова, Некрасова, В. Звонилы, много политической литературы. Ученики и педагогический коллектив училища горячо благодарили своего депутата за внимание и помощь.

(«Коллективист»).

Расширение торговой сети

Валуевский головной коммерческий буфет сейчас развернул торговлю в 6 точках. В буфетах, в ларьках и на лотках продаются разнообразные хлебные и кондитерские изделия, шоколад, конфеты, вина, сыр.

Товарооборот в первой декаде марта достиг 408 тысяч рублей.

В ближайшее время намечено открыть на ст. Валуевки большой буфет-павильон и два ларька. Увеличатся и ручная торговля на лотках.

Герой Советского Союза Кожемякин в гостях у белгородцев

Несколько дней в селе Болховцев гостил ветеран Отечественной войны, Герой Советского Союза полковник Иван Иванович Кожемякин. Он встретился со своими односельчанами-колхозниками сельхозартели «Красный метеор». Тов. Кожемякин принял также участие

в работе районного совещания передовиков сельского хозяйства. Через местную газету Иван Иванович обратился к белгородским колхозникам с письмом, в котором призвал их быстрее завершить подгрозку к севу и бороться за высокий урожай.

Шахматный турнир в Курске

В Курске начался городской шахматный турнир. В нем принимают участие 21 человек. Среди них шахматисты: Бисов, Груздев, Чебанов, Васильчук, школьники Бутицкий, Галушин, Гаврилов и др. Участники турнира разделены на три группы. По два победителя из каждой группы встретятся в финальных играх на первенство города.

— О —

Девушки-трактористки

В 1945 году в Крупской МТС работали трактористки 30 девушек. 20 из них перевыполнили годового плана работ. Трактористка Чегайшанна на тракторе «У-2» вспахала 450 гектаров вместо 250 по плану. Комсомолка Екатерина Суерко на тракторе «ХТЗ» вспахала 733 гектара. Трактористка М. Фетисова — 771 гектар.

Одними из первых в МТС девушки-трактористки закончили ремонт своих тракторов и прицепного инвентаря.

(«Колхозная трибуна»).

Вновь построено 32 хаты

Отступая из с. Дерюгино, немцы сожгли десятки хат колхозников, разрушили все общественные постройки, красивые школьное здание. После изгнания немцев Дерюгине началось отстраиваться. Только в одном колхозе «Красный Октябрь» на недавних пепелищах выросло 32 новых хаты. Они были построены с помощью государства и колхоза.

Хата воина Логина Стефановича Шалабаева была сожжена. Недавно демобилизовавшись, он прибыл домой и увидел повсюду, как разрушенную хату. Она оказалась лучше той, что сгорела. Вновь построены хаты семьям, чьи кормильцы отдали свою жизнь за защиту Родины: Марин Ефремовны Кубатинной, Прасковьи Ивановны Шалабаевой. Живет в новой хате и инвалид Отечественной войны Елсей Ульянович Черкашин и другие.

Л. СОБОЛЕВА.

С ФРОНТОВЫМ ПРИВЕТОМ

В. ОВЕЧКИН

(Отрывок из повести)

— Да, Микола, обстановка там сейчас сложная, — продолжал Спывак. — Встречаешь человека, Федота какого-нибудь или Милану, смотришь на них, беседуешь с ними и думаешь: Федот, да не тот. Сколько, думаешь, милье моп, там тут лая в душу пытались выпить без нас. Два года дети в школу не ходили, газет советских не читали вы, бредили там тут немцы всякую ерунду про землю, про новые поляры. А с другой стороны, думаешь: а сколько ж насмотрелся вы такого, чего нам и на фронте не пришлось видеть? Знаешь, Микола, приезжал недавно в «Ударник» корреспондент из какой-то газеты, беседовал с колхозниками в бригадах, спрашивал некоторых фотоаппаратом, так после его отъезда кто-то пустил слух: это немецкий шпион приезжал, для Гитлера новые списки стахановцев составлял... Завалишин, ты не спишь?

— Нет, товарищ капитан! — Ты, Завалишин, конечно, правильно говоришь о себе. У тебя душа солдатская, простая. Ты три года в честном бою провела. Тебе только шнурелю скинуть — и опять стахановец. Ну, а там сейчас, после того, что... переживали люди, надо к каждому особому походу навести. Одно дело было выкопировать человека на рекорды, когда вокруг него все пело и веселилось, когда хлебная хата была под потолком засыпана, дети его росли в счастье и довольстве... — продолжал Спывак. — Тогда комбайны и тракторы за нас наполновили агитроллами. А сейчас, может быть, та стахановка и мужа, и сына потеряла, и дочка у нее в Гемании, и сама за войну поставлена на десять лет. Где те тоны и миллионы, что нам помогали? На жидких надо запово. Помнишь, Микола, как мы работали в тридцатых годах? Ты, правда, тогда еще в партии не состоял. Был в селе коммунист, — кто в «Копейщике» служил, кто — на почте, кто в собственном хозяйстве работал. Нартия приказала всем: вступай в колхозы и ведите за собой народ. Я тогда три года так и не пошел, высиделся ли я вволю, дожидаясь ли когда-нибудь раньше трех часов. Совещания, собрания, беседы, доклады. Вот тебе квартал, или бригаду, или станицу, — отвечал за нее партизанист. Так, бывало, прежде чем выйти к людям, десять раз сам себя прощеришь: а что ты скажешь на такой вопрос, если захотят его тебе? А что на этот вопрос ответишь? Сидишь почи напоят, над газетой, над докладом товарища Сталина, дождешься до того, что сам с собою разговаривать начнешь. Ну, уж зато знал я свою станицу, как собственную семью, потому что у каждого человека по двадцать раз дома бывал, и обещал, и чай пил, и просто так заходил, дельничать понаблюдать. Знал и то, почему Манька Петрушка своего Микиту день и ночь пилит, не позволяя ему в колхоз вступать. Потому что в первую бригаду их записывают, а в первой бригаде Манька Скоблина, с которой Микита до женитьбы два года гулял. Значит, только и дела, что перевести их во вторую бригаду. Крепко поболтали с народом. Сама обстановка заставляла. Начал! Все было еще впереди: комбайны, колхозные сады, театры, миллионные доходы. Надо было вложить людям в голову нашу большевистскую мечту, убедить их, что именно так все и будет, если станем на колхозный путь. Впоследствии, конечно, пошло уже дело легче, когда сама жизнь доказала, что большевики умеют осуществлять задуманное. И вот все-таки сейчас живет там старая память о доверенной обстановке. Семен Карпович за все время, как освоили район, один раз только был в нашем колхозе. Люди ждут секретаря райкома, самого товарища Сердюка, или же председателя райисполкома, главу советской власти, чтобы приехали к ним, поговорили, подумали, разъяснили все наиболее важные вопросы, а они присылают Васю Прокопчука, которого я бы тут не доверил и дивизионную газету бойлал прочесть. Он, свинья сын, по писаному и то наврет. Такого добавит от себя, что вместо «помогать товарищу в бою» получит: «спасайся кто может».

— А почему же Сердюк не ездит к нам? — спросил Петренко. — Да вот, должно быть, считает по-старому: перевозкой колхоз, председатели, инвентарь, справитесь. Оно-то, сказать правду, Семен Карпович и раньше не особенно любил ездить. У него свой стиль работы, диспетчерский: позвонит, накрутит хвост, даст установку, не выходя из-за стола. Больше телефон любил, чем «эмку». Ну, тогда было на кого надеяться. А сейчас даже и «эмки» нет у них, — как-то то румынская тележка без ресор, одна на двоих с председателем райисполкома Федченко. Ну, и все-таки положение сейчас такое, что я бы, несмотря на отсутствие транспорта, вот эти телефоны, которые остались кое-где в сельсоветах, совсем бы пошумал к чужой матери и в болото закинул, чтобы кроме жидкой связи с колхозами, никаких эзраров не было у них под рукой... — Бывает еще у нас в колхозе часто такой завываю, Василь Петрович Никитченко, — продолжал Спывак.

— Никитченко? Тоже вернулся? Он разве не в армии был? — (Окончание).

Начало смотри в «Курской правде», за 24 и 26 марта.

— Вернулся. Вместе с Сердюком приехал. Этот бывает часто, на неделе раза два-три. Прокопчук — тот временно наехал уполномоченным по подготовке к севу, а Никитченко постоянно прикреплён. Руководителем агитколлектива числится по Алексеевскому кусту. Но настроение у него не такое, какое было бы сейчас, когда роется агитатор. Он как вернулся из эвакуации, как глянцует, что немцы натворили в районе. — Фермы разрушены, скота нет, севооборот поломан. — как упал духом, так и до сих пор еще в чувстве не пришел. Ходит, вздыхает над каждой вороной: «Вот тут, вспоминает, коровники стояли на пятьсот голов, с водопроводом, с электростанцией. Тут электростанция была на пятьдесят киловатт, пять колхозов обслуживала. Тут ветлечебница. Когда мы это все восстановим? Ходит, шепчет, как будто вчера это случилось, а его настроение, конечно, по дотопании и колхозникам передалось. Он характером на нашего Луку Гавриловича похож. Тот — в жеребят, в телат, а этот в плащи, в графини. Ему тоже люди все на одно лицо. Будет пелый день сидеть в правлении колхоза, график сева пронаписывал, взыскать, взыскать, над счетами, двух быков на три бригады делить, а не додумается поднять вопрос об этой же самой жидке Маньке Юхно, что назначили кухаркой. Не поинтересуется узнать, получают ли солдаты пособие, кому какая помощь оказалась из колхозных средств, пишут ли письма домой фронтовики, что пишут. А если станет доклад делать о всеобщем севе, то расскажет о чем-то: о поперечном бороновании, о распахивании, о волокушах, о чистках, — то, что колхозники и без него десять раз знают, а когда уже разойдется паром, тогда спохватится: «Эх, забыл сводку сообщить — Олесеу ж взыскать». Покинут девчата на поле шум из-за плохой харчей и привозит такой пример: почему допустили, что в кладовой два бizona торжеству спили? Нельзя было раздать по бригадам, чтобы вареников на поле сжечь? А он их угловаривает: «Что ж вы, товарищи женщины, обижаетесь на харчи. А при немцах что вы ели? Совсем же не было общественного питания в бригадах. Свои носили из дому в узелках. И ничего, работали». «Агитатор»! На немую «общину» ранилесь. Так легче всего сейчас агитировать. — «Новички немцы!» А это часто сейчас приходится там слышать. Кто поумнее ничего не выдумает, тот о немцах только и твердит: «Новички немцы, новички!» — А что «новички» и сам толком не разберет, что такое немцы, что это была за чума? Я этого Никитченко помню еще, когда он секретарем легкой в «Молоте» работал, встречался с ним на совещаниях в политотделе. Как станет, бывало, докладывать — тошно и нудно слушать его. «Я, говорит, сегодня наметал по плану посетить восемь колхозников на квартирах. План я перевыполнил: посетил девять и с одним на улице побеседовал». Начальник политотдела спрашивает его: «О чем же ты с ним беседовал?» — Да так, вообще: о Парлаксском Коммуне, о починке обуви... Холодный самолюбка! Я, Микола, Нильч, холостых самолюбок не люблю, вот тех, что на улицах сядут под зонтиком и из-за занавески поглядывают. Мне один сын поначалу раз салопи в Полтаве, два квартала проносился пога вылезла в носок. Переложил. Неудачливый был, что. Новые хромовые сапоги испортил. Так я и с тех пор боюсь... Завалишин!

— Я, товарищ капитан. — Ты здесь? Не спишь? Ну, слушай, слушай нашу самокрутку... Хороший работник у нас там, — второй секретарь райкома. Новый человек, недавно прислан обкомом. Твой коллега, до войны был в каком-то районе старшим агрономом. Стародуб Иван Нильч. Не знаешь? Не встречались в обл. зо? Высокий такой, черныш, на армянинка похож. Я его один раз только видел в райкоме, но слышал о нем хорошего очень много. Говорят, как придет в колхоз, так прямо идет до какой-нибудь старухи в хату, или на ферму идет, или на стель, в бригаду, а в правление уже после всего, к вечеру. Сам ходит, без провожатых, чтобы никто не мешал ему ориентироваться. В «Зирке», говорят, когда приехал он туда первый раз, пристроился к нему один такой провожатый, член правления, давал ему, как новому человеку, рассказывать, где у них семена хранятся, какие трофеи подбирали, сколько лошадей раненых вывели, сколько повозок немецких отремонтировали, зовет его к себе побеседовать, а Стародуб идет по тузу, куда его завхоз тянет, а по собственному маршруту. Зашел к одной старухе: лядеро сидел на фронте, два из них орденосны, старика-партизана немцы повесили, а хата — как спалили немцы верх, так и до сих пор половина крыши недокрыта, потолок течет, на полу лужи, дров нет, сыро, холодно. Ну, Стародуб тут же и заставил этого провожатого самого крыть хату. «Позащем вам, говорит, товарищ завхоз, ходить за мною по пятам, время терять зря. Я и сам найду, где у вас амбары и конюшни. Оставайтесь здесь и отремонтируйте жиденькие хату». Завхоз говорит: «Я пришел за-

ра кровельщиков». А Стародуб ему: «Нет, говорит, это долгая лесная будет. За полгода не соберется пригласить, и еще столько же времени пройдет. Кровле сам». Не кричал, говорит, посулил ему за невниманье к семьям фронтовиков чего-то такого, что потом очутился на крыше. Бригадир подавал снопы сизу, а тот роется агитатор. Он как вернулся из эвакуации, как глянцует, что немцы натворили в районе. — Фермы разрушены, скота нет, севооборот поломан. — как упал духом, так и до сих пор еще в чувстве не пришел. Ходит, вздыхает над каждой вороной: «Вот тут, вспоминает, коровники стояли на пятьсот голов, с водопроводом, с электростанцией. Тут электростанция была на пятьдесят киловатт, пять колхозов обслуживала. Тут ветлечебница. Когда мы это все восстановим? Ходит, шепчет, как будто вчера это случилось, а его настроение, конечно, по дотопании и колхозникам передалось. Он характером на нашего Луку Гавриловича похож. Тот — в жеребят, в телат, а этот в плащи, в графини. Ему тоже люди все на одно лицо. Будет пелый день сидеть в правлении колхоза, график сева пронаписывал, взыскать, взыскать, над счетами, двух быков на три бригады делить, а не додумается поднять вопрос об этой же самой жидке Маньке Юхно, что назначили кухаркой. Не поинтересуется узнать, получают ли солдаты пособие, кому какая помощь оказалась из колхозных средств, пишут ли письма домой фронтовики, что пишут. А если станет доклад делать о всеобщем севе, то расскажет о чем-то: о поперечном бороновании, о распахивании, о волокушах, о чистках, — то, что колхозники и без него десять раз знают, а когда уже разойдется паром, тогда спохватится: «Эх, забыл сводку сообщить — Олесеу ж взыскать». Покинут девчата на поле шум из-за плохой харчей и привозит такой пример: почему допустили, что в кладовой два бizona торжеству спили? Нельзя было раздать по бригадам, чтобы вареников на поле сжечь? А он их угловаривает: «Что ж вы, товарищи женщины, обижаетесь на харчи. А при немцах что вы ели? Совсем же не было общественного питания в бригадах. Свои носили из дому в узелках. И ничего, работали». «Агитатор»! На немую «общину» ранилесь. Так легче всего сейчас агитировать. — «Новички немцы!» А это часто сейчас приходится там слышать. Кто поумнее ничего не выдумает, тот о немцах только и твердит: «Новички немцы, новички!» — А что «новички» и сам толком не разберет, что такое немцы, что это была за чума? Я этого Никитченко помню еще, когда он секретарем легкой в «Молоте» работал, встречался с ним на совещаниях в политотделе. Как станет, бывало, докладывать — тошно и нудно слушать его. «Я, говорит, сегодня наметал по плану посетить восемь колхозников на квартирах. План я перевыполнил: посетил девять и с одним на улице побеседовал». Начальник политотдела спрашивает его: «О чем же ты с ним беседовал?» — Да так, вообще: о Парлаксском Коммуне, о починке обуви... Холодный самолюбка! Я, Микола, Нильч, холостых самолюбок не люблю, вот тех, что на улицах сядут под зонтиком и из-за занавески поглядывают. Мне один сын поначалу раз салопи в Полтаве, два квартала проносился пога вылезла в носок. Переложил. Неудачливый был, что. Новые хромовые сапоги испортил. Так я и с тех пор боюсь... Завалишин!

— Да, задержался немного. Не рассчитал время. Как раз до второго звонка.

— Я, Микола, прямо тебе скажу, — продолжал Спывак. — Очень приятно мне было увидеть всех старых работников на местах. Только что было приуменьшено насчет сохранения кадров. Федченко — в райисполком, Семен Карпович — в райкоме, Никитченко — в райкоме. Люди знают хорошо район, им не нужно три месяца в курсе дела входить. Из одного дня не был район без советской власти после немцев... Знаешь, как они возмущались? Вместе с войсками, следом за передовой. Пелим обком ехали. На хуторе Красном помогали саперам чинить мосты, переправы наводили. А Ромашенко, так тот прямо десантом на танке вместе с автоматчиками ворвался на усадьбу МТС. И конюх старый в райисполком, дед Буниц, и машинистка у нас в райкоме та же самая, Нина Игнатьевна, с той машинкой, что все вместе буквы «р» мягкий знак выбивает — «Прытокол». Хорошо, ничего не скажешь. Но вот, что некоторые продолжают работать, точь-в-точь по-старому. — это не хорошо... Если раньше первый секретарь райкома не бывал лично в каком-нибудь колхозе два-три месяца, так то еще не такая беда была — там парторганизация немалая, человек двадцать-тридцать, актив был большой. А теперь где он, этот актив? В нашем колхозе два коммуниста осталось из тридцати. Все воюют. Весь цвет села ушел в армию. Одна голова, та, что осталась, за десять голов должна думать... По-настоящему, конечно, посетит, Микола. План выполняй, тот, что дан району по их тягу. Может быть, даже и перевыполнит. Земли уже не будет гулять столько под бурьянами, как гуляло при немцах. Не можно разное посевить. Можно посевить так, что по нитящей пудов урожая соберешь, а можно и так, что по сто, по сто двадцать пудов будет. Один колхоз во-первых сев закончит, другой до самых живых дотянет. И пахнет с первого же года хромать из все четыре. Наш-то не отстанет. У нас Лука Гаврилович хоть хозяйственник такой, что из любого положения вывернется. Он и своих выездных лошадей в плуг отдал, пешком по бригадам будет ходить, сам такие приемы с трактором поведает, что один старый ХТЗ двадцать борон за гусеничный дизель потащит. А в некоторых колхозах, знаешь же, как-то есть сейчас председатели. Выдвиженцы. И в политике, ни в хозяйстве еще как следует не разбираются. Им помогать да подсказывать надо на каждом шагу... Разно, Микола, можно повести дело. Можно в десять лет вернуть людей к довоенной жизни, а можно и в три года, как вот Завалишин собирает коровники отс-

— Давай папашем... Только как же это все изложить? У меня, знаешь, на бумаге не так крепко получается, как на словах. Не всякое выражение можно в письме употребить. Или, может, не надо особенно придирается? Я его все-таки уважаю, Микола, Семена Карповича. Он меня в конюзу из колхоза посылал, учил уму-разуму, в райком меня выдвигал. Это первый мой наставник, крепкий батюшка мой. Я два года строгий выговор носил от него за перегибы... Помнишь, как мы реплили с колхозом «Маяк» лошадями обмениваться, чтоб изжить с корнем чувство собственности у колхозников, чтобы не бежали двадцать раз на день с поля на конюшню поглядывать бытовую свою конюзу? Да как вывели лошадей в Ширковую Балку, где назначен был общенный пункт, так там чуть мажее побойче не получились, хорошо, что Сердюк во-время наскочил — разогнал нашу армярку. Вот за это и ввелили мне, как секретарю райкома, тогда еще алейки были. «Что, говорит, залез в гапоню?» На трех машинах прислажала парткомиссия в колхоз разбирать это дело. Два уполномоченных обкома присутствовали на собрании, и один был даже представитель ЦК. Я его за то любил, что длинных речей он никогда не произносил и по мучил людей до утра на заседаниях, а в двух словах решал вопросы. У него голова негушная, у старика, по-моему только тяжеловат на подом.

— Тяжеловат, да, — сказал Петренко. — Вот это и беда.

— Добре, давай папашем, — загорелся Спывак. — Пусть это будет первое товарищеское письмо с фронта землякам. Папашем так: район, мол, наш, Семен Карпович, побольше, ничем особенным не замечательный, салют за него Москва не давала, когда освобождал его, но все-таки хочется нам, фронтовикам, видеть его передовым районом в наступившей эпохе восстановления. Ты? Наш ведь район, дом наш... Мечтаем мы, что когда придем домой, так вы нас уже большими пирогами угостите. Ни у кого ведь не тоскует так душа по запаханным полям и цветущим садам, как у солдата. Правильно, Завалишин?

Завалишин не сдал, выпикатель по случаю всю беседу капитана с комбатом.

— Правильно, товарищ капитан, — отозвался тот. — У солдата душа тоже не каменистая. Спывак глянул еще раз на часы. — Точно. Ночь-ночь. Сейчас папашем.

И не успел он договорить, за селом разорвались первые снаряды, прилетевшие с той стороны, откуда готовились наступать главные силы полка. Звук отстал от разрывов на несколько секунд. Еще было тихо. Видно было, как реуется снаряды, беззвучные, быстрые, как зарницы далеких молний, вспыхивая, а над головой в чуть пересеченные небо еще залегали жаворошки, и из садов на окраине села доносились соловьиные теканье. Потом загудело. Снаряды дождались километров в четыре. Из-за дальности расстояния ух не улавливали отдельных разрывов, сливающихся в сплошную гулу.

Спывак с Петренко и Завалишин разом встали на ноги.

— Ну, копчили, — сказал Спывак. — Погословим еще после. Папашем надо, конечно. Папашем. Пронснулся и встал на ноги, пошатываясь, словно пьяный, командир взвода автоматчиков лейтенант Добровольский.

Писарь Крапивка, не поднимая головы с земли, перескочил со спины на бок, прощел оспинным баритомом: «Па заре-е ты се не буди-и...» Телефонист у аппарата переменял позу; одну ногу, затекшую, вытнул, другую поджал, уместился поудобнее на дожке, монотонно проговорила в трубку: «Акация, акация, гуден морен!» Я — резала. Резала. Резала! Прервала линии. Прервала! Линии! Чорт глотай!..

Ровно пятнадцать минут, как и было определено по приказу, сержант, грохотало, гудело за селом в полосу главных немецких укреплений. Немцы не отвечали. На исходе пятнадцатой минуты, когда огневой шквал стал утихать, бухнуло первое немецкое орудие из села. Разрыв блеснул далеко за горизонтом, — были по батареям. Одновременно в той же стороне, где блеснул разрыв немецкого снаряда, возникло высокое в небо три ракеты и, описав крутую дугу, рассыпались над степью красными искрами.

Комбат — немцыского роста, на голову почти ниже Спывака, широким в плечах — стоял, молча вглядываясь в предрассветный сумрак перед собой, будто стараясь заметить где-то там в эту минуту его роты, подбирающиеся к селу. Спывак растерялся заколебанными пальцами тесной плаща под подбородком, чтобы скрывать его. И почти мало гневный капитан плащ был теперь совсем бесцельно ему — в бою Спывак всегда, даже жарким днем, пропихивал первую дырку.

— Ты куда сейчас? — спросил его Петренко.

— К Осадечу, — ответил Спывак. И все постороннее — дом, колхоз, Семен Карпович, сев-выселение у них из головы...

А. ГУСЕВ. (Соб. нов. «Курской правды»).